

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9
Выпуск 2

2015
Июнь

ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева Э. В.</i> Готические конвенции и воспитательная интенция в «Рассказе старой няньки» Э. Гаскелл	4
<i>Горошкова Р. Р.</i> Память и чувства в рождественских повестях Ч. Диккенса 1840-х годов	11
<i>Климовская А. Я.</i> Гендерный аспект романов А. Брукнер «Родные и друзья» и «Заповздавшие»	18
<i>Куранда Е. Л.</i> «Король Лир» в переводе Михаила Кузмина и Анны Радловой	28
<i>Придорогина Е. А.</i> Миф о женщине в дилогии Франка Ведекинда «Лулу»	38

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бацуева В. С.</i> Категоризация здорового образа жизни средствами фразеологии: аксиологический аспект	48
<i>Боднарук Е. В.</i> Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка)	62
<i>Бузальская Е. В.</i> Функции концепта в современном эссе	76
<i>Генералова Е. В.</i> Лексико-семантические характеристики разговорного русского языка XVI–XVII вв.	85
<i>Горбов А. А.</i> Механизм семантического калькирования и его роль в восполнении дефектных парадигм числа абстрактных существительных в современном русском языке	96
<i>Емельянова О. В.</i> Об одной модели выражения ценностных представлений в современном английском языке (<i>Life is about people</i>)	105

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2015

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2015

<i>Куницына О. А.</i> Из опыта текстологического анализа представления катастрофы в новостном дискурсе (на материале газетных сообщений, освещающих тайфун Хайян).....	113
<i>Минченков А. Г., Горелова А. А.</i> Концепт DISRESPECT и возможности его изучения.....	122
<i>Нифонтова Д. Е.</i> Техники ориентации ранненововерхненемецкой драмы на рецептивные возможности ее зрителя (читателя).....	130
<i>Новожилова К. Р.</i> Лингвопрагматическая характеристика диалогичности в частной переписке И. В. Гёте.....	136
<i>Руднев Д. В.</i> История возвратных связочных глаголов со значением возникновения.....	144
<i>Соболева Н. П.</i> Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных слоганах к фильмам.....	155
<i>Федорова М. А.</i> Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода.....	164
<i>Шарихина М. Г.</i> Однородные сказуемые в языке переводного Метафрастово Жития Николая Мирликийского (на материале русских списков XV–XVI вв.).....	177
<i>Смирнова Н. В., Щемелева И. Ю.</i> Роль письма в современном университете: анализ зарубежной практики обучения академическому письму.....	185

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Жилякова Н. В.</i> «Коммерческая пресса» дореволюционного Томска: рекламно-информационные газеты на рынке провинциальной периодики начала XX в.	198
<i>Олейников С. В.</i> Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики	208

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».

Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-46846
от 30 сентября 2011 г. (Роскомнадзор)

Ответственный редактор Вестника СПбГУ
канд. биол. наук *Н. А. Гуляева*

Редактор *М. П. Соболева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать ответственным редактором серии 15.06.2015.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 165 экз. Заказ № 000

Адрес Издательства: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел./факс 328-44-22

Е. Л. Куранда

«КОРОЛЬ ЛИР» В ПЕРЕВОДЕ МИХАИЛА КУЗМИНА И АННЫ РАДЛОВОЙ

Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1

В статье на основе архивных изысканий устанавливается подлинное авторство текста «Баллада Корделии», положенного на музыку Д. Д. Шостаковичем при постановке шекспировского «Короля Лира», осуществленной Г. М. Козинцевым в 1941 г. Прослеживается, каким образом имя автора текста, Анны Радловой, было утрачено. С этой целью кратко воссоздана история переводов пьес Шекспира в 1930-е годы в издательстве «Academia». В центре внимания — история перевода пьесы «Король Лир» М. Кузминым и его редактирование А. Радловой. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: Михаил Кузмин, Анна Радлова, «Король Лир», Г. М. Козинцев, издательство «Academia», К. Чуковский, Д. Д. Шостакович.

“KING LEAR” IN THE TRANSLATIONS BY MIKHAIL KUZMIN AND ANNA RADLOVA

E. L. Kuranda

Moscow State Pedagogical University, 1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation

The aim of this article is to correct the generally accepted authorship of Cordelia's Ballad set to the music of Shostakovich. As a result of archival research, it has become clear that it is not Michail Kuzmin but Anna Radlova who is the author of this poem's text that was set to the music of Shostakovich. The article then proceeds to describe how the name of the real author of 'The Ballad of Cordelia' had been lost. *For this purpose* the translation history of Shakespeare's plays in the 1930s under Academia Publishing House has been recreated. Thus, the main focus of this article is the translation history of "King Lear" play by Michael Kuzmin and the editorship of Anna Radlova. Refs 18.

Keywords: Michael Kuzmin, Anna Radlova, "King Lear", G. Kozintsev, K. Chukovskij, Academia Publishing, D. Shostakovich.

В истории русской переводческой школы Шекспира 1930-е годы представляют собой период расцвета [1], и немалую роль в этом сыграла писательская деятельность Анны Радловой.

Шесть переведенных Радловой шекспировских пьес, в том числе для издательства «Academia», были опубликованы и поставлены на сцене. Однако еще одна ее важная переводческая работа до сих пор оставалась вне поля зрения читателей и исследователей — редактирование трагедии «Король Лир», переведенной М. Кузминым. Этой работе Радловой и посвящена данная статья.

Поскольку текст «Короля Лира», отредактированный, а по сути переделанный Радловой для театральной постановки на основе перевода Кузмина, прозвучал в свое время лишь со сцены, представляется необходимым обратиться прежде всего к его сценической истории, а именно — к спектаклю «Король Лир», осуществленному Г. М. Козинцевым в Большом драматическом театре имени М. Горького, тем более что помимо переработки текста перевода Кузмина Радлова внесла и свой собственный поэтический вклад в спектакль.

Премьера козинцевского «Короля Лира» состоялась в Ленинграде 24 марта 1941 г. Музыка к спектаклю написал Д. Д. Шостакович, незадолго до премьеры получивший Сталинскую премию. Рецензия на спектакль свидетельствовала: «Настоя-

щую творческую победу одержал и лауреат Сталинской премии Д. Д. Шостакович в своей музыке к «Королю Лиру». <...> Многообразные по содержанию, острые по музыкальной мысли песни шута, величественные и траурные маршеобразные эпизоды, *обаятельная в своей бесхитростной лирике баллада Корделии* (курсив мой. — Е. К.) с ее западающей в душу мелодией... все они необычайно рельефны по своему рисунку, выразительны по тембровой раскраске» [2].

Действительно, «Баллада Корделии» была не проходным, иллюстративным номером в спектакле Козинцева, но его отправной точкой. Исполнительница роли Корделии актриса В. А. Осокина вспоминает: «Спектакль начинался увертюрой, частью которой была баллада Корделии. Я была на башне, играла на лютне и пела... Так красиво начинался спектакль»¹ [3, с. 272].

При обсуждении спектакля на Секции мастеров драмы Ленинградского отделения Всесоюзного театрального общества 14 апреля 1941 г. театральный критик С. Д. Дрейден подчеркнул важность сцены с балладой в общем замысле спектакля: «...Песня Корделии — кстати, Шекспиром текст ее не был написан... несет одну из самых существенных тем спектакля» [3, с. 300–301].

Козинцевский «Король Лир» был сыгран 11 раз — с 24 марта по 23 апреля 1941 г.; спектакль не сходил со сцены практически до закрытия театрального сезона в БДТ, состоявшегося 11 мая. «Последующие события, — пишет исследователь творчества Шостаковича, — помешали тогда опубликованию этой музыки [к «Королю Лиру»], многие номера которой стали известны лишь в конце 1970 года» [4, с. 82].

Но по крайней мере авторство музыки к «Королю Лиру» сомнений не вызывало, тогда как авторство текста «Баллады Корделии» до сих пор приписывается С. Я. Маршаку. Как автор перевода Баллады Маршак указан и на диске «Музыка Д. Шостаковича к театральным спектаклям» (запись 1984 г., диск выпущен в 2000 г.) [5].

В собрании сочинений Шостаковича в 42 томах, в томе 27, содержащем театральную музыку для оркестра, в примечании к партитуре Баллады сказано: «Автор слов Баллады не установлен» [6, с. 291].

Автор текста Баллады был заново «открыт» лишь в 2002 г. киноведами Я. Л. Бутковским и В. Г. Козинцевой, составителями «Хроники театральной деятельности Г. М. Козинцева» [3], во-первых, опубликовавшими программку к спектаклю, а во-вторых — сославшимися на рукопись с текстом Баллады в архиве Козинцева [3, с. 301].

Действительно, в ЦГАЛИ СПб, в архиве Козинцева, есть автограф с текстом Баллады, отнесенный к 1944 г., написанный рукой Анны Радловой и озаглавленный «Баллада о высоком доме» [7, д. 294].

Между тем, как выяснилось в результате исследования, в архиве А. и С. Радловых в ОР РНБ существует черновая рукопись Баллады. Шесть черновых вариантов Баллады, отражающих процесс работы над ней Радловой, записаны в конце тетради, значащейся в описи как: «Ед. хр. № 632. Шекспир Вильям. “Гамлет” и “Король Лир”. Отрывки. Перевод Анны Радловой. [1930-е гг.]. Черновые автографы чернилами и карандашом» [8].

На самом деле это не отрывки. Это полная, хотя и черновая редакция принадлежащего Кузмину перевода «Короля Лира», выполненная Радловой. По-видимому,

¹ Воспоминания В. А. Осокиной написаны в 1999 г.

имеющаяся в архиве РНБ так называемая «театральная» редакция перевода выполнялась как раз для постановки «Короля Лира» Козинцевым в БДТ в 1941 г.

Чтобы понять, каким образом имя Радловой как автора текста «Баллады Корделии» на музыку Шостаковича и как редактора шекспировского перевода Кузмина оказалось забытым, необходимо сделать отступление в историю переводов «Короля Лира» в 1930-е годы. Эта история касается, во-первых, «борьбы за советского Шекспира» в советских театрах 1930-х годов, а во-вторых — деятельности издательства «Academia» по изданию Полного собрания сочинений Шекспира, начавшемуся в 1934 г.

Итак, в марте 1934 г. шекспировские переводы Радловой («Макбет») и Кузмина («Король Лир»), наряду с еще тремя пьесами Шекспира, вышли в однотомнике под редакцией академика М. Н. Розанова [9]. А 12 августа 1934 г. в газете «Правда» появилась статья К. Чуковского «Искаженный Шекспир», где перевод Кузмина подвергся язвительной критике. По Чуковскому, «новый перевод “Короля Лира”... замечателен тем, что в нем искажение текста производится одиннадцатью различными способами» [10].

Статья Чуковского вызвала беспокойство Радловых за Кузмина. Свидетельства реакции близких друзей поэта на его травлю в центральной печати содержатся в переписке А. и С. Радловых в августе 1934 г. Так, в день выхода газеты со статьей Чуковского, 12 августа, Радлова пишет С. Радлову из Москвы в Одессу: «<...> Сегодня в Правде гнусная статья Корнея Чуковского о Гихловском издании Шекспира, где он справедливо ругает Розанова (редактор) и подло ругает Кузмина за Лира. Причем не называет его, а статья называется “Искаженный Шекспир” <...> Главное, что это будет стоить Мих<аилу> Ал<ексеевичу> припадка» [8, ед. хр. 487, л. 7 об.–8 об.].

Обоснованность критики Чуковским перевода Кузмина уже была предметом исследования [11]. Между тем с весны по осень 1934 г., с недолгим перерывом на пребывание в больнице в июне², Кузмин активно сотрудничает с издательством «Academia», переводя для Полного собрания сочинений Шекспира сонеты, комедии («Укрощение строптивой», «Виндзорские кумушки», «Два веронца», «Бесплодные усилия любви», «Много шума попусту») и редактируя перевод «Короля Лира»³, обновленную версию которого А. А. Смирнов, полпред Г. Шпета в Ленинграде, высылает в Москву 2 июля 1934 г. Во всяком случае большинство из усмотренных К. Чуковским «искажений» исправлены в версии кузминского «Короля Лира», вышедшей в издательстве «Academia»⁴ [14].

Сохранился внутренний отзыв К. Чуковского на новую редакцию перевода «Короля Лира» Кузминым: «Я знаю прежний перевод “Короля Лира”, сделанный тем же Кузминым. Теперь этот перевод неузнаваем. Кто-то (редакция или сам поэт) так исправил первую редакцию, что перевод стал вдвое лучше. Я отмечал крестиками

² «18 июня понед[ельник]. <...> Прощалась палата» (больничная палата, при выписке из больницы. — Е. К.) [12, с. 50]. Ср.: «Кузмин вернулся из больницы и завтра возобновляет работу над *Лиром*» (Смирнов А. — Шпету Г. 19 июля 1934 г.) [13, с. 141].

³ Об издательской истории перевода см.: [12, с. 224, 226; 13, с. 135, 139, 141].

⁴ Ср.: «По этому поводу (имеется в виду нежелание привлечь к участию в полном собрании сочинений М. Н. Розанова. — Е. К.) прочел с наслаждением статью Чуковского. Не знаю, читал ли ее М. А. Кузмин (я, естественно, на эту тему с ним не заговорил), но думаю, что да, потому что третьего дня <...> он с каким-то особенным выражением говорил о том, как он рад, что его *Лир* теперь проработан основательно Вами» (Смирнов А. — Шпету Г. 19 августа 1934 г.) [13, с. 153].

на полях особенно понравившиеся места» [13, с. 213]. Фразу «Теперь этот перевод неузнаваем» Т. Г. Щедрина, публикуя документ, комментирует так: «Имеется в виду редакторская работа Шпета» [13, с. 605]. Действительно, гихловский перевод «Короля Лира», вышедший в 1934 г., и перевод, выполненный под эгидой издательства «Academia» (июль 1936 г.), значительно различаются. Определить при этом «долю» редакторов в тексте последней версии перевода не представляется возможным.

Однако это не конец текстовой истории кузминского перевода «Короля Лира». Он претерпел еще одно редактирование. На этот раз редактором была Радлова.

В фонде С. Э. Радлова имеется единица хранения № 587, описанная следующим образом: «Радлова А. Д. В. Шекспир. Король Лир. Перевод М. А. Кузмина. Под ред. А. Д. Радловой. Предисловие к переводу. [1930 г.]. Машинописная копия». Следует уточнить это описание. Три листа машинописного текста это не предисловие, а статья или, скорее, предуведомление Радловой к отредактированному ею, а точнее сказать — адаптированному для конкретной театральной постановки переводу «Короля Лира», сделанному на основе текста перевода Кузмина. Практически в неизменном виде эта статья А. Радловой напечатана в брошюре о спектакле, поставленном в 1941 г. Козинцевым в ленинградском Большом драматическом театре им. М. Горького [15]. В архивной машинописи отсутствует лишь небольшой фрагмент и есть несколько текстовых и пунктуационных отличий от текста, напечатанного в брошюре⁵.

«Для меня, — пишет Радлова, — было радостью и почетом, когда Большой Драматический театр привлек меня к работе над переводом “Короля Лира”, первоначально сделанным таким большим поэтом, как М. А. Кузмин» [15, с. 55–56]. Небольшую статью в коллективной брошюре, посвященной спектаклю Козинцева, Радлова, в отличие от остальных авторов (Козинцева, Н. И. Альтмана, Шостаковича), рассуждающих об актуальности Шекспира и о собственном видении героев трагедии, превращает одновременно в своего рода манифест и памятное слово о Кузмине. Первая часть статьи — о наболевшем: выстраданном опыте переводческой деятельности: «Так же, как и все мы, первые советские переводчики Шекспира (Лозинский, Соловьев, Кузмин и я), М. А. был связан редакционными требованиями равностроичия с английским подлинником» [15, с. 56].

Далее, насколько позволяет формат буклета к спектаклю, Радлова разъясняет характер своей работы с переводом Кузмина, считая главной задачей адекватность перевода целям его сценического воплощения: «Над переводом Кузмина “Король Лир” я сделала ту же подробную редакционную работу, которую сделала над собственным переводом “Отелло” для Ростовского театра, т. е. сделала вторую редакцию перевода. Разумеется, я очень бережно сохранила всю ту прекрасную поэзию, которой полон перевод Кузмина, но там, где ему [М. А.] приходилось жертвовать, ради краткости сценической выразительности, широтой сценического дыхания, я переводила некоторые монологи и диалоги заново. Я стремилась передать всю стихийную силу шекспировских образов, которая иногда, по чисто техническим причинам, ускользала в переводе М. А. Кузмина. Я могла взяться за это дело и продолжить рабо-

⁵ Самая острая и принципиальная для Радловой фраза о том, что Шекспира нельзя переводить «языком Безыменского или Уткина» [8, ед. хр. 587. л. 1], в печатном варианте сглажена: «Я убеждена, что было бы одинаково неверно переводить Шекспира как языком протопопа Аввакума, так и языком злободневным» [15, с. 54].

ту М. А. Кузмина над “Лиром” только потому, что нас объединяло с М. А. Кузминым одно понимание и ощущение Шекспира, длительная личная и творческая дружба и, наконец, то, что я всегда себя считала ученицей этого замечательного поэта» [15, с. 56].

Сравнение того варианта перевода «Короля Лира», который получился у Радловой, и текста Кузмина — тема отдельного исследования, или даже исследований — текстологических и лингвистических в том числе. В рамках небольшой статьи, ставящей целью ввести в научный оборот, по сути, новый перевод пьесы Шекспира, отметим лишь некоторые особенности редакторской работы Радловой.

Прежде всего, она по-другому, чем было у Кузмина, транслитерирует имена⁶, предпочитая более традиционное их произношение. Поэтому уже самое начало пьесы звучит у Радловой иначе, чем у Кузмина. Ср.:

Я полагал, что король более расположен к герцогу Альбани, чем к Корнуолу (Кузмин)

— и в редакции Радловой:

Я полагал, что король больше расположен к герцогу Альбанскому, чем к Корнуэльскому.

Или:

Вести гостей: Француза и Бургундца (пер. Кузмина)

— и:

*Сюда введите короля французов
И герцога бургундского, граф Глостер.* (ред. Радловой)

Помимо таких, на первый взгляд незначительных, но тем не менее стилистически значимых различий между текстом перевода и его редакцией, в работе Радловой просматривается ее эстетическая установка, сформулированная в статье из брошюры: «Всякий перевод, разумеется, связан с жертвой, но важно жертвовать наименее существенное... когда хочешь сберечь главное: поэтическую мысль, поэтическую форму, дух Шекспира и его сценическую специфику» [15, с. 55].

Прежде чем показать, как именно в переводе Радловой нашли воплощение ее переводческие и поэтические принципы, необходимо упомянуть следующий факт. Участие Радловой в постановке Козинцева зафиксировано в цитировавшейся брошюре «“Король Лир” в Большом драматическом театре им. М. Горького». На последней странице значится: «“Король Лир”. В. Шекспир. Трагедия в 5 действиях. Перевод М. А. Кузмина и Анны Радловой» [15, с. 69]. Однако в программках спектакля имя Радловой не упоминается [7, д. 299].

Вследствие того, что об Радловой не было упомянуто в программке «Короля Лира», а в газетах и журналах, анонсировавших и рецензировавших спектакль, о переводчиках пьесы не говорилось, происходили случаи *qui pro quo*. Один из примеров тому можно найти в уже упоминавшейся стенограмме обсуждения спектакля 14 апреля 1941 г. на Секции мастеров драмы Ленинградского отделения Всерос-

⁶ Ср.: «Относительно начертания собственных имен (за исключением уже освященных традицией, хотя бы и не совсем правильной... я руководствовался общими для всех переводчиков указаниями, выработанными редакционной коллегией», — пишет М. Кузмин в «Предисловии переводчика» к отдельному изданию своего перевода «Короля Лира» [14, с. IX].

сийского театрального общества. Видный шекспировед М. М. Морозов, предъявляя претензии к спектаклю, выразил также недовольство переводом: «Должен отметить, я очень жалею, что спектакль идет в этом переводе. <...> Я думаю, что рядом с исключительно блестящей работой Маршака⁷, здесь нет ничего в смысле перевода. Я не хочу порочить Кузмина, он был большой и интересный поэт, все мы это знаем, но Шекспира он переводил очень плохо. <...> Здесь перевод сухой, прозаический, безэмоциональный. У Шекспира: “Без ничего не выйдет ничего”, а что значит “ничто родит ничто”? Потом странное смешение стилей — “как у приплода честной дамы”» [3, с. 286].

Однако из приведенных М. М. Морозовым примеров из перевода Кузмина только один действительно принадлежит Кузмину. «Смещение стилей» — если и принимать эту оценку М. М. Морозова — как раз «на совести» Радловой. В переводе Кузмина, в монологе Эдмунда (действие I, сцена 2), — «...Как у приплода честного?»⁸. В черновой рукописи Радловой работа над этой строкой выглядит так:

9) <Как у приплода честной>

Как у приплода честной <госпожи> дамы? Что же <...>» [8, ед. хр. 632, л. 67 об.].

Отдельного внимания заслуживает раскритикованная М. М. Морозовым фраза из последнего монолога Короля Лира: «*My poor fool is hanged*» <так в стенограмме> — “повесили мою дурочку”. Так говорится по-английски, но нельзя же переводить буквально: “Дурашку повесили”. <...> Софронов серьезно говорит большой монолог, — в зале молчание, вдруг: “Дурашка»» [3, с. 286].

Следует подробнее остановиться на строке перевода, приписанного на обсуждении Кузмину, но на самом деле принадлежащего Радловой.

В русской шекспириане существует множество вариантов перевода строки Шекспира “*And my poor fool is hang'd!*”: «Повешена моя малютка» (А. Н. Дружинин); «Повешена бедняжка...» (Т. Л. Щепкина-Куперник); «Мою / Бедняжку удавили!» (Б. Л. Пастернак); «А дурочку повесили мою...» (О. П. Сорока⁹).

За исключением последнего примера, указанные варианты не вполне точно передают прием, выбранный Шекспиром для создания сильного трагического контрапункта в монологе Лира.

У Кузмина в двух редакциях его перевода представлены разные варианты этой строки:

Повешена бедняжка! Нет, живет! [9, с. 343]¹⁰

и

Повешена глупышка! Нет, нет жизни! [14].

При этом второй вариант перевода Кузминым именно этой строки современными исследователями признан особенной удачным [11, с. 183].

«Дурашка», о которой идет речь в стенограмме, — это вариант, предложенный Радловой. Возражая против него, М. М. Морозов, видимо, руководствовался не

⁷ Для спектакля Козинцева С. Я. Маршак перевел песни Шута.

⁸ В первой редакции — «Как у честнейшего приплода?» [9, с. 260].

⁹ Перевод «Короля Лира» О. П. Сороки наиболее востребован в современных театрах.

¹⁰ На эту строку обратил внимание и К. Чуковский, упрекая Кузмина, однако, не за перевод слова “fool”, а за «искажение» конца строки (“No, no, no life!”): «У Шекспира, например, говорится: “Да, мертва”. В переводе: “Нет, живет”» [9].

столько пониманием природы шекспировского текста, сколько требованиями нормативной эстетики 1930-х годов. Перевод Радловой свидетельствует о ее глубоком понимании поэтики Шекспира, не знающей непримиримых оппозиций «высокое — низкое», «трагическое — комическое», что позволяет ей передать пафос финального монолога Короля Лира:

Повешена дурашка! Нет, нет жизни!
Зачем собака, лошадь, мышь — живут,
А ты не дышишь. Ты ушла совсем —
Навек, навек, навек, навек!
Здесь пуговицу отстегнуть прошу;
Благодарю вас, сэр. Сюда взгляните —
Вы видите? Взгляните на нее!
На губы вы взгляните, о взгляните.

Причем «дурашка» появилась у Радловой в результате переработки ее собственного первоначального варианта этой строки, что видно при исследовании черновой рукописи. Сначала Радлова пробовала перевести “fool” как «шут»: «И бедный шут повешен? Нет, нет жизни!..» [8, ед. хр. 632, л. 132]¹¹.

«Продлить работу М. А. Кузмина над “Лиром”» [15, с. 56] — эти слова Радловой были не просто декларацией. Об этом, помимо редактирования ею перевода Кузмина, свидетельствует ее работа над текстом «Баллады Корделии». Упомянутая уже тетрадь Радловой с черновиком редакции перевода отражает процесс работы над этим вставным номером в пьесе Шекспира. Кажется, можно восстановить такую последовательность: закончив перевод, Радлова перевернула тетрадь на 180 градусов и теми же синими чернилами начала набрасывать песню Корделии: «Стоит высокий темный дом / На берегу...» [8, ед. хр. 632, л. 131]. А дальше, то ли для наглядности себе, то ли по объяснимой ассоциации записала еще две строки (без знаков препинания): «Ушел моряк румян и рус / За дальние моря».

Таким образом Радлова эксплицировала подтекст собственного произведения и ту задачу, которую она перед собой ставила, — «продлить работу М. А. Кузмина над “Лиром”». Несмотря на сделанные обильные замены, она все же ощущала перевод кузминским текстом, поэтому за образец для песни Корделии, которую нужно было ввести в сценический текст, была взята баллада Кузмина «Шестой удар» из цикла «Фореель разбивает лед».

По черновику видно, что эта баллада направляла поэтическую мысль Радловой¹². Всего в тетради шесть черновых вариантов песни. Кроме первоначального, написанного синими чернилами — теми же, которые использованы на всем протяжении ее перевода «Короля Лира», остальные наброски — карандашные. При этом Л. 134 об. и Л. 133 об. полностью и многократно перечеркнуты.

Необходимо заметить, что, в отличие от сюжетной баллады Кузмина, баллада Радловой, вложенная в уста шекспировской героини, восходит скорее к песенной разновидности жанра (что соответствовало сценической задаче). Радлова идет по

¹¹ Ср. следующую точку зрения на перевод этой строки: «За несколько минут до смерти Лир вспоминает о своем верном шуте: “И мой бедный шут повешен” (“And my poor fool is hang’d”) <...> — и сразу же возвращается к мыслям о смерти Корделии» [16].

¹² Такая поэтическая игра была в духе самого Кузмина. Ср. со строками из его стихотворения: «И образ твой, прелестен и лукав, / Меня водил — изменчивый вожатый» [17, с. 127].

пути воссоздания средневекового рыцарского колорита, ориентируясь одновременно на традиции русской романтической баллады. Отсюда появляется типичное для романтической поэтики противопоставление двух миров — «здесь» (заброшенный дом на скале) и «там» (мистический мир призрачных, погибших в бою рыцарей). Из черновиков видно, как Радлова пробует варианты, позволяющие передать «балладную» атмосферу потустороннего мира: «господин» (вариант: «паладин»), о котором поет Корделия, воскресает, унесенный «чародеем Мерлином», в «чародейской стороне». Ниже приводится текст «Баллады Корделии» по наиболее полной рукописи из ЦГАЛИ СПб.

За темным морем на скале
Стоит высокий дом.
Гнездятся птицы на скале,
Но пусто в доме том.

Давно-давно потух очаг,
Не слышно голосов
И только ветер — буйный гость
Тревожит тихих сов.

Принес он весть издалека,
Что паладин исчез,
Что за моря и облака
Его унес Мерлин¹³.

В зеленой дальней стороне
На черном призрачном коне
Он скачет в золотой броне,
Но видит дом во сне.

Летает ветер и поет,
И плачет он о нем.
Не откликается никто
И пуст высокий дом¹⁴.

Таким образом, Анной Радловой, помимо «редакционной работы» [15, с. 56], был создан важнейший музыкально-поэтический номер для спектакля Козинцева, во многом определивший его тональность¹⁵.

¹³ Рядом, справа, рукой Радловой вписан вариант второй строфы: «Принес он весть из дальних стран, / Что умер паладин, / Что из семи <зачеркнуто, неразборчиво, следующее слово надписано над замаранным> глубоких ран / Кровь вытекла и жизнь» [7, л. 6].

¹⁴ На листе с автографом Радловой имеется приписка карандашом, по-видимому, рукой Козинцева: «Рукопись Анны Радловой. Баллада, которую пела под музыку Д. Шостаковича Корделия» [7, л. 6].

В тексте, напечатанном на основе рукописи партитуры Шостаковича, вторая строфа имеет следующий вид: «Принес он весть издалека, / Что господин исчез, / Что за моря и облака / Его унес Мерлин» [6].

¹⁵ «Смысловую и художественную ценность для спектакля “Баллады Корделии” подчеркивал С. Д. Дрейден: “<...> нельзя не волноваться, когда вновь и вновь начинает звучать чудесной прозрачности и чистоты мелодия песни Корделии, несущая в спектакле тему большой человеческой любви” [3, 321]».

«Король Лир» в постановке Козинцева в БДТ с успехом шел всю весну, вплоть до закрытия сезона 1941 г. Он был возобновлен весной 1943 г. в блокадном Ленинграде. Однако в какой-то момент с афиш исчезли имена обоих переводчиков — по видимому, по цензурным причинам¹⁶. Точное время исчезновения имен с афиш установить не удалось из-за скудости архивных материалов, оставшихся от периода Великой Отечественной войны, но, скорее всего, это произошло в 1944 г., — именно этим годом помечены материалы, связанные с «Королем Лиром» в архиве Козинцева в ЦГАЛИ СПб.

Таким образом, Радлова добилась того, что перевод «Короля Лира», подписанный именем Кузмина, был поставлен на одной из лучших сцен страны.

Вместе с тем работу Радловой над текстом Кузмина вряд ли можно считать только редакторской правкой его перевода. Судя по объему внесенных ею изменений (около трети первоначального текста Кузмина), которые можно проследить по рукописи в архиве Радлова ОР РНБ, ею был предпринят если не в полном смысле слова новый перевод «Короля Лира», то, во всяком случае, «перевод» текста Кузмина на театральную сцену. Как и в собственных переводах произведений Шекспира, в работе над переводом Кузмина Радловой последовательно утверждается ее собственная переводческая поэтика, которую можно определить как установку на поиск стилистических и сценических средств, конгениальных шекспировской поэтике. Поэтому в названии данной статьи Радлова указана не как редактор, а как один из переводчиков, наряду с Кузминым, «Короля Лира» для спектакля Козинцева¹⁷.

Литература

1. Чекалов И. И. Переводы «Гамлета» М. Лозинским, А. Радловой и Б. Пастернаком в оценке советской критики 30-х годов // Шекспировские чтения. М.: Наука, 1990. С. 183–200.
2. Вайнкоп Ю. [Я.] Композиторы в драматическом театре // Ленинградская правда. 1941 г. 19 апреля.
3. От балагана до Шекспира. Хроника театральной деятельности Г. М. Козинцева / сост. и коммент. В. Г. Козинцевой и Я. Л. Бутовского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 477 с.
4. Шостакович о времени и о себе. М.: Советский композитор, 1980. 374 с.
5. Шостакович Д. Д. Баллада Корделии (перевод Маршака) // Театральная музыка. Петербургский камерный оркестр, дирижер Эдуард Серов. Буклет к диску. Издатель: Northern Flowers, 2001.
6. Шостакович Д. Д. Собрание сочинений: в 42 т. Т. 27: Театральная музыка для оркестра. М.: Музыка, 1987. С. 289–297.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 622 (Козинцев Г. М.) Оп. 1. (Спектакли. Осуществленные спектакли. «Король Лир»).
8. ОР РНБ. Ф. 625. Радловы С. Э. и А. Д.
9. Шекспир В. Избранные драмы в новых переводах / ред., статьи и коммент. академика М. Н. Розанова. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. 511 с.
10. Чуковский К. И. Искаженный Шекспир // Правда. 1934. 12 августа.

¹⁶ Сергей и Анна Радловы были эвакуированы с театром в Пятигорск, который 18 августа 1942 г. был занят фашистскими войсками. Таким образом они оказались на оккупированной территории и в конце войны попали во Францию. По окончании войны и возвращении на родину Радловы были осуждены на 10 лет ИТЛ. Полностью реабилитированы в 1957 г. [18].

¹⁷ Пока статья готовилась к печати, в Творческо-исследовательской части (музее) БДТ им. Г. А. Товстоногова удалось обнаружить режиссерский экземпляр «Короля Лира» постановки 1941 г., недоступный в период написания статьи из-за ремонта театра и закрытия его архива на это время. Режиссерский экземпляр текста «Короля Лира» представляет собой машинопись на 118 листах. Имя переводчика на нем не указано, однако текст из БДТ совпадает с рукописью Радловой из ОР РНБ, что подтверждает высказанные в статье предположения.

11. *Багно В. Е., Сухарев С. Л.* Кузмин-переводчик // XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы / отв. ред Г. А. Тиме; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2006. С. 147–183.
12. *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Г. А. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 416 с.
13. *Густав Шпет и шекспировский круг.* Письма, документы, переводы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедриной. М.; СПб.: Петроглиф, 2013. 760 с.
14. *Шекспир В.* Трагедия о Короле Лире / пер. М. Кузмина; под ред. С. Динамова, А. Смирнова; коммент. А. Смирнова. М.; Л.: Academia, 1936. IX, 393 с.
15. «Король Лир» в Большом драматическом театре им. М. Горького. М.; Л.: Искусство, 1941 г. 64 с.
16. *Комарова В. П.* Буря в степи и символический «суд» в трагедии «Король Лир» // Комарова В. П. Метафоры и аллегории в произведениях Шекспира. Л.: ЛГУ, 1989. С. 140.
17. *Кузмин М. А.* Избранные произведения / сост., подгот. текста, вступит. статья и коммент. А. Лаврова и Р. Тименчика. Л.: Художественная литература, 1990. 576 с.
18. *Равдин Б. А.* Сергей Радлов — к постановке Рижской биографии // Рижский альманах. № 3 (8). Рига, 2012. С. 180–202.

Статья поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Контактная информация

Куранда Елена Леонидовна — кандидат филологических наук, докторант; elk19@inbox.ru
Kuranda Elena L. — Candidate of Philology, doctoral; elk19@inbox.ru